

Н. Б. Янковская

ХУРРИТСКАЯ АРРАПХА

Довоенные раскопки в Ираке близ Керкука (древней Аррапхи) дали интереснейший материал для изучения истории хурритов, одной из наиболее значительных народностей Передней Азии II тысячелетия до н. э. Особенного внимания заслуживают найденные в этом районе официальные и частные архивы на аккадском языке, в которых насчитывается около четырех тысяч документов.

Эти документы вызвали большой интерес в науке. Впервые всесторонним их анализом занялся П. Кошакер, затем последовали работы Э. Шпайзера, Э. Лейчмена, П. Парвза, Ф. Стила, А. Саарисало, Х. Либезни, Х. Леви и других. Однако во всех этих работах, в которых давались переводы и толкования памятников, они рассматривались в отрыве от анализа самого характера общественных отношений, на которых базировалась изучаемая правовая надстройка. Вследствие этого многие сложные юридические вопросы не могли получить достаточно четкого и убедительного освещения, и суждения отдельных исследователей иногда резко противоречили друг другу. Часто привлекались случайные аналогии по сходству, взятые из совсем иной исторической обстановки. Но несмотря на большое разнообразие в объяснении тех или иных проблем, ряд толкований, выдвинутых в наиболее важных из работ указанных ученых, приобрели уже характер определенной научной традиции.

В настоящей статье деловая практика рассматривается с точки зрения ее обусловленности ходом развития общественных отношений в Аррапхе. Аналогии из других обществ привлекаются лишь поскольку сравниваемое общество по уровню своего развития соответствует состоянию общества Аррапхи. Поэтому выводы, предлагаемые в настоящей статье, во многом расходятся со взглядами на юридические отношения Аррапхи, успешными стать традиционными. Приводимые ниже ссылки на исследования, как правило, касаются содержащихся в них фактических данных, освещение же приходится давать иное.

Для предлагаемого в настоящей статье подхода к проблеме существенно учесть уровень развития материальной культуры Аррапхи. Поэтому необходимо дать краткие сведения об археологическом изучении соответствующих городищ.

Раскопки были начаты в 1925 г. сначала в самом Керкуке, а затем продолжались в 10 милях от него, на холме Иорган-тепе. В течение пяти археологических сезонов было открыто 15 слоев, которые дали материал четырех органически связанных между собою культур: энеолитической; шумеро-аккадской, хурритской и парфо-сасанидской. Архивы обнаружены

только в шумеро-аккадских и хурритских слоях. К 1950 г. с выходом в свет XIV тома «Harvard Semitic Series» число опубликованных табличек превысило две тысячи¹. Большая часть этих документов издана без переводов, в транслитерации или в автографии, поэтому широким кругам историков они остаются недоступными, но зато публикуются относительно быстро.

На Иорган-тепе пока были произведены только пробные раскопки шумеро-аккадских слоев — в двух помещениях дворца и на территории храмов, которые дали около двухсот документов второй половины III тысячелетия до н. э. (HSS, X). В этот период поселение называлось Гасура и, по-видимому, было аккадской колонией, так как почти все имена в документах — семитические и только некоторые — эламские. Документы по большей части представляют собою записи торгово-ростовщических сделок, описи ремесленных изделий и т. п.

Связи Гасура с шумерской культурой прослеживаются, начиная с раннединастического периода (Starr, прилож. А). Для Южного Двуречья загорские предгорья, на границе с которыми находилась колония, имели жизненно важное значение. Торговые пути через иранское нагорье связывали, кроме того, Переднюю Азию с Индией, вероятно, уже при преемниках Саргона Древнего².

Гасурские купцы упоминаются также в документах из Канеса — ассирийской колонии в Каппадокии³. Последние слои шумеро-аккадской культуры Гасура очень бедны. По-видимому, колония захирела в связи с возвышением Ассирии. О вражде Ассирии и Гасура есть прямые свидетельства⁴.

Более поздние хурритские слои Иорган-тепе раскопаны целиком. В одном из документов начала II тысячелетия до н. э. (HSS, X, 224) встречается укрепившееся за этой областью впоследствии название Аррапха (по военно-административному и религиозному центру, находившемуся на месте современного Керкука). Поселение на Иорган-тепе было переименовано из Гасура в Нузу.

Абсолютная датировка архивов Аррапхи имеет только одно основание — письмо Шаушшатара, царя Митанни (HSS, IX, 1), найденное в архиве царского сына Шильватешуба. Очевидно, речь идет о предшественнике Артатами I, царя Митанни, современника египетского фараона Тутмоса IV, т. е. о Шаушшатаре, сыне Парсашатара, современнике Аменхотепа II (ок. 1450—1415 гг. до н. э.)⁵.

В архивах Аррапхи большая часть имен хурритские (1500) и семитические (631) с незначительной примесью касситских (53), шумерских (23) и даже, возможно, индийских (28, вероятно, ведических)⁶.

Аррапха была в дружественных отношениях с крупнейшими соседними державами: с касситской Вавилонией и хурритским государством Митанни. В период жизни первого и второго поколений тех аррапхитов, деятельность которых достаточно полно отражена в документах и совпадает с периодом правления царя Аррапхи Киби-Тешуба и его сына

¹ Библиографию публикаций см. NH; позже вышли в свет: AASOR, XVI; HSS, V, IX, X, XIII и XIV.

² И. М. Дьяконов, Новые данные о шумерской культуре, ВДИ, 1947, № 2, стр. 108.

³ J. L e w y, Notes on Pre-Hurrian texts from Nuzi, JAOS, 58, (1938), № 3.

⁴ Надпись Итита, КАН, II, 1.

⁵ Подробно всю хронологию Иорган-тепе см. Starr, приложение А, стр. 507—523 (статья E. Eliot).

⁶ T. D u m o n t, Indo-Iranian names from Nuzi, Mitanni and Syrian documents, JAOS, 67 (1947), № 4. Общую статистику и анализ ономастики см. G e l b, P u r v e s, M e R a e, Nuzi personal names, Chicago, 1947 (The University of Chicago Oriental institute publications, LVII).

Итхи-Тешуба, Аррапха сохраняла политическую независимость; позже, по-видимому, она вошла в состав государства Митанни.

Все архивы Аррапхи составлены на аккадском языке с очень заметным влиянием хурритского, который был разговорным языком местного населения наряду с аккадским¹. Хурритскими терминами в документах часто обозначаются возраст и характеристика скота, различные виды обрабатываемой земли, названия продуктов земледелия и скотоводства, названия профессий и ремесленных изделий.

Около двух тысяч документов было найдено в поселении Нузу, на холме Иорган-тепе (Starr, I, планы 2 и 13), и почти столько же в двух холмах севернее (А) (там же, план 34) и северо-восточнее (Т) (там же, план 30) Иорган-тепе; в самой Аррапхе, т. е. в современном Керкуке, добыто немногим больше полусотни таблечек.

На почти квадратной площади холма Иорган-тепе, размером в 200 м по стороне, располагался акрополь Нузу. Широкая мощеная улица, от которой сохранилась только небольшая часть в центре, делила поселение на две половины: храмовую и дворцовую. Храм очень невелик по сравнению с дворцом. Дворцовые ворота открывались в большой мощный двор (М-94), обведенный вдоль стен сплошной глиняной скамьей. Из этого двора можно было попасть через промежуточное помещение с очагом и через второй большой мощный двор (М-100) в парадную часть дворца.

Парадные помещения (сектор L) располагались на месте, где шестью слоями ниже был найден гасурский архив. Все здания дворца производят впечатление скорее комплекса общественных построек, аналогичных, по всей вероятности, ашшурскому «дому общины»², чем жилища правителя. Одним из доказательств того, что в Нузу дворец не был жилищем царя, может служить следующий факт: в нузийских частных домах захоронения производились в жилом комплексе, однако, в отличие от ассирийских дворцов этого же периода, где, как и в частных домах, царские погребения были найдены под полом, на территории нузийского дворца захоронений не было.

Вход в крупнейшую из парадных комнат (L-11) был украшен двумя колоннами. Дверь имела отделку, от которой сохранились в большом количестве медные и серебряные гвозди. Справа от входа вдоль стены тянется сырцовая скамья в 7 м длиной, 1 м глубиной и 0,28 м высотой, обведенная красной полосой, как и вся нижняя часть остальных трех стен. Перед скамьей сохранился жертвенник (Starr, II, стр. 154).

В смежной боковой комнате L-2 были найдены записи одного из чрезвычайно интересных судебных процессов: результаты очных ставок на допросах должностного лица (хазанну, по-видимому, градоначальника Нузу) по имени Кушшихарбе (AASOR, XVI, 1—14 вкл.). Возможно, что помещение L-11 и есть упоминающийся в текстах «дом двадцати», предположительно место заседания судей и совета старейшин. По ходу процесса в затруднительных случаях тяжущихся вводили для испытания перед богами, по-видимому, в соседнее помещение L-8, где был найден медный жертвенник и на полу вещи, относящиеся к культуре богини-матери, аналогичные храмовым находкам³.

В помещении L-15 В, примыкающем к этой группе комнат, на стенах сохранилась роспись, изображающая стилизованное священное дерево,

¹ Влияние хурритского прослеживается в словаре, морфологии, фонетике и синтаксисе (см. E. A. S p e i s e r, The linguistic substratum at Nuzi, AASOR, XVI, Appendix B).

² Ср. ЗВАХ, стр. 237 (ВДИ, 1952, № 4).

³ R. S t a r r, I, стр. 155. Автор предполагает, что здесь помещалась личная модель царя.

бычью голову, рогатую мужскую маску и широкое женское лицо в фас с коровьими ушами и прической типа египетской богини Хатор (Starr, I, табл. 128 и 129). Через эту комнату можно было попасть в замкнутый комплекс помещений со своим небольшим двором, расположенный вдоль наружной стены дворца. Возможно, что именно эту часть дворца тексты называют «домом жриц». В одной из комнат этой группы (К-32) были найдены два документа частного архива царицы (SMN, № 604 и 904 в HSS, XIV), имевшей, по-видимому, какое-то отношение к культуре. Оба эти документа представляют сделки по передаче царице Тарминнайе, дочери Техибтиллы, земельных наделов, расположенных рядом с ее полями. Сделка составлена по форме, обычной для любого частного документа. В хозяйственном архиве дворца имеются записи о выдаче продовольствия царице и ее детям. Каждое из поселений Аррапхи, не только Нузу, имело свою «царицу».

Хозяйственный архив (HSS, XIII) был найден в другой половине дворца, соединенной с первой дворцовым двором (М-94). По-видимому, термин «дом таблеток» относится к хранилищу этой части архива (сектор R). Хозяйственная половина занимает наиболее обширную часть постройки, предназначенную для служебных помещений и кладовых разных материалов, которые, очевидно, соответствуют упоминаемым в документах «домам податей». Здесь же были расположены хлебопекарни и различные подсобные помещения, в число которых, по-видимому, входили жилища для рабов, ремесленников и для жителей отдаленных поселений, которые несли здесь временную трудовую повинность (дом *âlik ilki*, см. ниже, стр. 27 сл.).

На этой же половине дворца в изолированной от хозяйственных помещений комнате N-120, которая имела особый выход в первый двор, был обнаружен архив дочери управляющего дворцом (*šakin biti*) Тульпуннайи (AASOR, XVI, 23). Таким образом, есть основания считать этот архив, по крайней мере частично, официальным¹.

Третья часть официального хозяйственного архива (HSS, XIV) была найдена в северо-восточном углу храмовой половины акрополя (сектор D). Эта группа помещений, подобно дворцу, выделялась мощностью стен и, в отличие от всех других построек, имела ряд смежных мощных, очень длинных и просторных помещений. Эта часть официального архива представляет по преимуществу записи о выдаче зерна лошадям, в том числе запрыгавшимся в колесницу царя. Очевидно, здесь были расположены конюшни дворца, «дом колесничих», упоминающийся в документах, и, по-видимому, жилища для посланцев из других стран (дом *ubâri*² или, в аррапхских документах, *urârûti*).

Сопоставление архивов, найденных в холмах А и Т³, с архивом цитадели, хотя бы даже в общих чертах, сразу дает примерное представление о взаимоотношении между знатью и правительством Аррапхи. Комплекс помещений А делится на две группы. Северо-западный угол занимает более ранняя постройка, в которой были обнаружены архивы двух знатных родов: Аккуя, сына Катири, и Таука, сына Унпутьей. Наибольшая часть документов выпадает на долю второго поколения: Зиги, сына

¹ Архив был найден не в частном доме, как полагает акад. Н. М. Никольский, ЧЗЧЗД, стр. 99 и прим. 250, а в дворцовом хозяйственном секторе D (см. Starr, I, табл. 13 и регистр к AASOR, XVI, №№ 15 сл.).

² Б. Майснер предлагает для этого термина перевод «метек» (B. Meißner, Studien zu den assyrischen Sprichwörtern, Lpz, 1929, стр. 45). Приводимое здесь значение «посланец» восходит к шумерской пословице (см. там же).

³ Starr, I, общий план раскопок — табл. 2 и отдельно холм А на плане № 34 и холм Т на плане № 30.

Аккуя, и Илану, сына Тауки, по именам которых принято называть эти два архива¹. Среди таблеток архивов Зиги и Илану попадаются отдельные документы Шильватешуба, сына царя. Основная часть его архива, в которой было найдено письмо митаннийского царя Шаушшатара, была обнаружена в соседней постройке², распланированной в зависимости от домов Зиги и Илану, но целиком изолированной от них. Судя по этому обстоятельству, дом Шильватешуба был построен позже домов Зиги и Илану. Основанием для более поздней датировки архива Шильватешуба может служить также факт отсутствия в нем документов с упоминанием Зиги и Илану.

Общий план шильватешубовского дома, его отделка и утварь напоминают дворец нузийской цитадели, хотя размеры его значительно меньше (Starr, II, стр. 337—344). В архиве Шильватешуба упоминаются рабы, писцы, ремесленники, пастухи, его личные телохранители и др. Среди богатств Шильватешуба перечисляются сотни голов крупного и мелкого рогатого скота, посевная земля, фруктовые сады, строевой лес и т. п. Значительную часть этого архива составляют долговые расписки и сводные записи процентных ссуд зерна, строительных материалов, скота и т. п.

В холме Т был обнаружен архив пяти поколений дома Пухишenni. Часть архива этого дома, принадлежавшая Вуллу, сыну Пухишenni, была найдена в самой Аррапхе. Большую же часть семейного архива составляют документы, фиксирующие деятельность другого сына Пухишenni, Техибтиллы, отца упоминавшейся выше царицы Нузу Тарминнай. Родоначальник этой семьи Пухишenni жил в годы правления царя Аррапхи Кибби-Тешуба. Его сыновья — это современники Итхи-Тешуба, сына Кибби-Тешуба. Современниками Техибтиллы были также дочь управляющего дворцом Тульпуннай и хазанну поселения Нузу Кушшихарбе, который жил, во всяком случае, не раньше Техибтиллы (ES, стр. 164). Таким образом, основная часть аррапхских документов относится к периоду политической независимости страны.

Поток документов как для цитадели, так и для пригородных домов иссякает, очевидно, в связи со вторжением ассирийцев³. При раскопках цитадели были обнаружены следы разрушений и пожаров. В постройках холмов А и Т также видны следы сильных пожаров и активной обороны: заложённые двери в кладовых, баррикады в дверных проемах на подступах к внутренним помещениям, разбросанные наконечники копий и стрел, обрывки панцирей. Особенно упорно защищались, по-видимому, обитатели дома Шильватешуба (Starr, II, стр. 334—346). В одном из документов архива потомков Техибтиллы упоминается скот, взятый для ассирийцев, перечисляются случаи убийств и насильственных переселений. Среди пострадавших есть люди, принадлежавшие разным гражданам Аррапхи, общинам и поселениям, в том числе дворцовые рабы и пастух — часть этих людей была поймана в лесу; попутно перечисляются разрушенные дома (SKD, № 20=696).

Архив цитадели, в отличие от частных архивов дает материал преимущественно для суждения о военноадминистративном устройстве Нузу.

В Аррапхе так же, как в Ассирии, важнейшей отраслью хозяйства, наряду с земледелием, было скотоводство. Условия земледелия были сходны с ассирийскими: значительную роль играло колодезное орошение. Урожай-

¹ Найдены в помещении 34 и соседних с ним. Изданы в HSS, V и частично в HSS, XIII и AASOR, XVI.

² В помещениях 23 и 26. Опубликовано в HSS, IX, XIII и частично XIV.

³ О захвате Аррапхи Ассирией см. «Синхроническую историю», I, 8—17 (KB, I, стр. 194—197).

ность полей в Аррапхе в среднем в 2,5 раза ниже, чем в Южном Двуречье старовавилонского периода (NRET, стр. 26).

Так как в календаре Аррапхи упоминаются два месяца жатвы, один из которых называется *šeḫli ša Adad*, второй — *šeḫli ša Nergal*, очевидно, что в год снималось два урожая. Вероятно, в первом случае имеется в виду сбор зимнего урожая, засеянного под дождевые воды, (Адад — бог дождевых вод), во втором случае — сбор урожая, выращенного с использованием речного и колодезного орошения (Нергал — подземное божество)¹.

Материальная культура Аррапхи типична для высокоразвитого бронзового века. Очевидно, эта область имела свои медные рудники, так как аррапхские цены дают исключительно низкую стоимость меди (соотношение между серебром и медью равно 1 : 400). Железо было найдено на территории цитадели только в виде рукояти медного кинжала и одной бусины. В текстах нет ни одного упоминания железа (Starr, II, стр. 470 и там же, EmCN, стр. 538).

В архивах первого поколения жителей Аррапхи преобладают документы о процентных займах, объектами которых в подавляющем большинстве случаев оказывается зерно. Срок займов, как правило, — до следующего урожая. Поскольку заем, безусловно, производился перед посевом, по-видимому, ростовщики пользовались здесь разницей цен в период посева и в период жатвы, не говоря уже об очень высоком проценте. В большинстве случаев заем производился несколькими лицами; при этом возврат ссуды обеспечивался круговой порукой должников (каждый из них отвечает за всех остальных целиком в случае их отсутствия в поселении в срок платежа) или поручительством третьего лица, которое обязано только следить за должниками, но не расплачиваться за них (AJN, стр. 143).

Обычай круговой поруки был широко распространен не только при займах, но и при других видах сделок. Этот обычай свидетельствует о наличии сельской общины², так же, как и обычай ответственности всего поселения за преступления, совершенные на его территории, в том случае, когда преступника не удавалось найти (AJN, стр. 135).

Распространенность обычая круговой поруки и состав объектов сделок говорят о том, что значительная часть членов этих общин была вынуждена прибегать к ростовщическим ссудам для пополнения жизненно необходимых припасов. Другими словами, это значит, что мы имеем здесь дело с мелкими хозяйствами, в которых периодически нарушалось простое воспроизводство.

В документах следующего поколения отразились уже результаты той имущественной дифференциации, о которой свидетельствуют ростовщические операции, отмеченные выше. В практике второго поколения преобладают закладные (*duppu titennûtu*) и «усыновления» (*duppu mârûtu*). Объектами закладных в основном остается зерно, однако встречаются уже и металл, ремесленные изделия, мелкий и крупный рогатый скот и рабы³.

¹ При таком толковании названий этих месяцев отпадает затруднение Гордона (С. Н. Gordon, The names of the months on the Nuzi calendar, «Rivista degli studi orientali», fasc. 15, 1934), считавшего один из *šeḫli* вставным и недоумевавшего относительно годичного займа, срок которого падает на вставной месяц. Функцию вставного месяца мог выполнять дополнительный *ul lu*, так как основной *ulûlu* имеется в нузийском календаре, так же, как и в вавилонском. Это тем более вероятно, что, судя по найденной в Нузу копии вавилонских предсказаний по месяцам, труды вавилонских астрологов были известны в Аррапхе.

² Именно сельской, так как в отличие от нее в большесемейной общине взаимная ответственность ее членов сама собою разумеется. В сельской же общине ответственность ее членов за долги друг друга может существовать только на договорных началах.

³ NRET, стр. 37 сл.; ср. общую сводку, стр. 69—71 и NKDST, часть вторая.

Появление этих новых объектов свидетельствует об интенсификации производства в тех случаях, когда землевладелец закладывает часть своей земли, чтобы получить рабочий скот и рабов, и, напротив, о превращении среднего хозяйства в маломощное, когда рабочий скот и рабов отдают ради погашения долга и получения дополнительной ссуды зерном — таких случаев абсолютное большинство. Отсюда можно вывести заключение о начавшемся разорении не только мелких, но и средних хозяйств. Этот вывод подтверждается анализом залговых сделок, особенности которых до сих пор не привлекали достаточно внимания, а порой и вовсе игнорировались. Так, Х. Леви в своей работе, посвященной специально контрактам *titenûtu*, считает их формой эквивалентного натурального обмена; ниже мы постараемся показать, что такое толкование этих сделок совершенно необоснованно.

Сделки *titenûtu*¹ представляют собою форму займа под заклад имущества или личности должника, или его родственников, причем кредитор пользовался залогом в счет процентов по займу до возврата основной суммы долга. Срок продолжительности займа колебался от 3 до 5 лет, а иногда достигал даже 50 лет (AASOR, XVI, 25 и JEN, III, 299). Иногда после передачи земли по *titenûtu* прежний ее хозяин продолжал обработку заложенного участка, покупателю же шел только доход с земли². Весьма показательны, что среди объектов заклада не встречаются постройки (NKDST, стр. 355, прим. 9). Очевидно, хозяйства, прибегавшие к займам такого рода, не располагали достаточно ценными постройками³. Штрафы, гарантировавшие соблюдение условий займа, настолько высоки (1 мина золота и 1 мина серебра), что, по существу, выплата такого штрафа равносила пожизненному закабалению должника.

Кабальный характер сделок совершенно очевиден, так как ценность залога обычно намного превышает стоимость взятого займа (NRET, стр. 61). Из всех сделок едва четвертая часть (17 из 71) имеет полную формулу: с указанием размера земли, продолжительности заклада и суммы займа (NRET, стр. 44), которые в остальных случаях целиком или частично опускаются.

В тех случаях, когда ссуда выдавалась под залог личности членов семьи должника, заложники отрабатывали только проценты долга до момента возвращения основной суммы займа. Обязанности семьи в отношении своего заложенного члена заключались в оплате дней, пропущенных им на работе кредитора (за каждый день по 1 мине, т. е. около 0,5 кг меди)⁴, в уплате его долгов и т. п., в замене заложника в случае его смерти, иногда в приобретении для него жены. Ф. Стил полагает, что в последнем случае мы имеем пример не обязанности семьи заложника, а права его семьи на выбор невесты по своему желанию⁵. Мне кажется, что решающим в этом случае является не право выбрать, а обязанность заплатить за невесту. Другими словами, смысл оговорки состоял в том, что рабовладелец не был обязан приобретать для заложника жену.

На основании документов, в которых прямо указывается, что в одном случае заложник является садовником (HSS, IX, 28), в другом — ткачом (JEN, III, 299), Х. Леви высказывает вполне вероятное предположение, что

¹ Из предлагаемых этимологических толкований этого термина мне представляется наиболее убедительным возведение его к корню *dnp* «быть крепким», а не *ndp* «давать» (см. NKDST, стр. 357 сл., и CNRS).

² TtN, стр. 325—326. Подробнее см. ниже, стр. 28 сл.

³ Вообще же обмен и продажа жилых и хозяйственных построек в документах Аррапхи известны.

⁴ Столько же стоил однодневный наем раба. См. S a a r i s a l o, NKDS, стр. 73.

⁵ F. S t e e l e, NRET, стр. 322.

в тех документах, где вместо одного заложника кредитор передает в хозяйство должника до пяти рабов, мы имеем обмен квалифицированной рабочей силы на неквалифицированную (TtN, стр. 316 сл.). Если это так, то, с нашей точки зрения, в аррапхских архивах имеются исключительно важные сведения о конкретном ходе отделения ремесла от земледелия, в результате которого ремесленники-профессионалы обособлялись в категорию независимых граждан. Об этом свидетельствует, в частности, применение к несостоятельным должникам тех же мер наказаний, что и к беглым рабам (выкалывание глаз).

Состояние заложника формально отличалось от долгового рабства, судя по тому, что перевод его в число рабов требовал составления специального документа, но фактически разница была только в том, что заложник находился в долговой кабале временно, а состояние кабального рабства не ограничивалось во времени¹. Тем не менее должник предпочитал самозаклад потере земли. Причиной этого было, по-видимому, то, что с обладанием земельным наделом были связаны гражданские права.

Таким образом, по-видимому, именно в результате таких самозакладов и возникла среди рабов группа лиц, обладавших правом собственности на недвижимость, а следовательно, и гражданскими правами: имущественным и семейным².

В случае несостоятельности должника, заложившего земли, его недвижимость переходила в собственность кредитора, но не в форме простой передачи в счет погашения долга, а через усыновление кредитора должником. Известны случаи, когда те же самые поля, которые были сначала обеспечением займа, затем переходят в распоряжение усыновленного кредитора, ставшего, таким образом, законным наследником должника (CNRS, стр. 81).

В практике второго поколения жителей Аррапхи большинство сделок по передаче недвижимости не имеет документально зафиксированного предшествующего акта залога этой недвижимости, очевидно, в большинстве случаев его не было и в действительности.

Сделки на отчуждение недвижимости, производившиеся в форме «псевдоусыновлений», используют практику действительных усыновлений. Каждый свободный гражданин имел право взять себе в дом помощника, усыновив его и тем самым сделав его своим наследником. Но в таких усыновлениях, в отличие от псевдоусыновлений, никогда не указывались точные размеры и местонахождение наследуемых земель или какого бы то ни было другого имущества. Усыновленный был обязан: кормить и одевать усыновителя, разыскивать его в случае похищения, очевидно, с тем, чтобы избавить от продажи в рабство, и в случае смерти похоронить и оплакать (NKDFL, стр. 8 сл.). Одно из первых псевдоусыновлений имеет подробную оговорку относительно снятия с усыновленного кредитора всех этих обязанностей (ES, стр. 168). В архиве Техибтиллы (отца нузийской царицы Тарминнай, одного из богатейших представителей второго поколения) таких документов, по которым он получал земельные наделы от разных лиц в качестве усыновленного, насчитывается больше ста³. Опубликование этой части его архива сразу же сняло возможность предположить здесь что-либо другое, кроме скупки земель.

¹ AASOR, XVI, 29: в кабалу на 50 лет попадает ткач.

² В одном из завещательных документов есть условие, которое может иметь такого же рода последствия: в случае непослушания сына, его мать, получающая по завещанию отцовскую власть над своими детьми, может наложить на него клеймо раба, но не должна лишать его наследства. Подробнее см. ниже, стр. 29.

³ JEN, I; в HSS, XIII и в других изданиях отдельные фрагменты.

Особенность этих сделок, оформленных в виде усыновления, заключается в том, что кредитор-покупатель становится полноправным наследственным собственником земельного надела продавца, доля которого, передаваемая усыновленному, сразу же огораживается и с этого момента не подлежит периодическому переделу, в отличие от всей остальной общинной земли¹. Косвенное подтверждение этому мы находим в замеченном П. Кошакером отсутствии представителей общины (*mušelwû*) в тех случаях, когда передаются земли, размеры которых зарегистрированы по дворцовому эталону, т. е., по-видимому, индивидуальные участки, зафиксированные в кадастровых записях (NKRA, стр. 73, прим. 1), не подлежали переделу.

Из числа свидетелей сделок на передачу недвижимости, кроме старейшин тех поселений, где жили контрагенты, часто особо отмечаются свидетели, при которых была передана плата (*nâdinânu ša kaspi*)², и другая группа свидетелей, под наблюдением которых огораживается надел (*mušelwû ša ekli* «заставляющие окружить поле»). В роли *mušelwû* встречаются односельчане продавца и его родичи (NRET, стр. 322).

Общепринятое толкование факта присутствия при сделке *mušelwû* уже предлагаемого здесь. Начиная с П. Кошакера, который приводит для этой категории свидетелей аналогии из индийского права — Артхашастры Каутильи — и греческого александрийского права (NKRA, стр. 67), все исследователи считают, что эта группа свидетелей подтверждает лишь правильность определения границ участка. Но в таком случае остается непонятным применение каузативной формы причастия от корня «окружать», а не «отмеривать», как для продажи участка в степи, о которой речь будет ниже. Подтверждением нашего предположения может служить также наличие в аррапхских архивах сводных перечней наделов, огороженных за долги (*ana ħubullî*)³; в конце одной такой сводки приведен список *mušelwû*.

Сопоставление обычного оборота *ekla ilmû* «поле огородили» с очень редким *ina širi indu* «отмерили в степи» (ES, стр. 167) дает возможность заключить, что в абсолютном большинстве сделок речь идет о землях обрабатываемых, так как формула для этого исключительного случая, который тем самым противопоставляется обычным, означает, что участок отмеряют на целине. Таким образом, все сделки на недвижимость, за единственным исключением, иллюстрируют процесс концентрации обрабатываемых земель общин.

На случай, если поле окажется меньше, чем указано в документе, обычно договариваются не прибавлять (NKDST, стр. 362) — безусловно, в интересах владельцев соседних полей, так как в одном случае обратное условие предполагает добавление недостающего отрезка из владений родичей продавца⁴. В случае, если поле окажется больше, чем указано в документе, контрагенты договариваются не уменьшать его размеров. Последнее уже, очевидно, в интересах нового владельца надела.

В псевдоусыновлениях никогда не упоминается слово «цена» (*šîmu*), хотя этот термин известен деловой практике Аррапхи и при продаже движимого имущества применялся очень широко. Слово «цена» по отношению к земле проскальзывает только в одном судебном процессе относительно псевдоусыновления (NRET, стр. 13). Тем самым должно быть ясно, что этого термина избегают сознательно — положение, общепризнанное среди

¹ Передел шел, в конечном счете, «по силе» каждой семьи (*kî emûki*), т. е. по числу рабочих рук. NKDFL, стр. 10, 19.

² *nâdinânu* — свидетель, очевидно, со стороны покупателя, в отличие от ассирийского значения этого слова («продавец»).

³ HSS, XIII, 363 и AASOR, XVI, SMN, 903, найденный в доме Шильватешуба.

⁴ HSS, XIII, 332. Из своего *dimtu*. Об этом термине см. ниже, стр. 27, прим. 2.

исследователей арапхских архивов, но объясняемое, как мне кажется, неверно.

Плата продавцу земельного надела называется всегда «подарком» (*kištu*). Очевидно, термином «подарок» подчеркивается право личной собственности продавца на полученную плату, т. е. отрицание права его родичей на участие в ней. И. М. Дьяконов любезно указал мне на полную аналогию из шумерских деловых документов, которая встречается, начиная с шуруппакских архивов до старовавилонских. В Южном Двуречье цена проданной земли распределялась между главами рода, а подарки поступали в индивидуальное распоряжение перечисленных поименно лиц¹.

Это наблюдение лишний раз подтверждает, что в Арапхе мы встречаемся с этапом общественного развития, открытым больше полувека тому назад и прочно забытым зарубежной исторической наукой наших дней. Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» пишет об этом периоде следующее: «Право отдельных лиц на владение земельными парцеллами, предоставленными им первоначально родом или племенем, упрочилось теперь настолько, что эти участки стали принадлежать им на правах наследственной собственности. К чему они за последнее время более всего стремились — так это именно к освобождению парцеллы от прав на нее со стороны родовой общины, прав, которые стали для них оковами. Оковы эти исчезли, но вскоре после того исчезла также и новая земельная собственность. Полная, свободная собственность на землю означала не только возможность беспрепятственно и неограниченно владеть ею, она означала также возможность отчуждать ее» (1948, стр. 188).

В своем исследовании арапхских сделок на недвижимость Ф. Стил показал, что стоимость «подарка» за участок того же размера, что и заложенный, обычно выше, чем плата при залоге, и возрастает прямо пропорционально увеличению размера участка, его качеству и расположению. «Подарок» за садовый или усадебный участок намного превышает «подарок» за простое поле. Отсюда Ф. Стил заключает, что под «подарком» следует разуметь просто рыночную цену продаваемого участка, которая в среднем равна 2 сиклям серебра за 100SAR (~3,5 тыс. м²) при урожае в 200 SILA (~170 л.) ячменя (NRET, стр. 74). Если Х. Леви впадает в одну крайность, произвольно постулируя эквивалентный натуральный обмен там, где фактически существует кредитный способ обращения, то Ф. Стил впадает в другую, предполагая, что меновые сделки Арапхи дают форму денежного обращения, которое на деле имеет здесь крайне узкое применение по сравнению с кабальным кредитом. В своей работе Ф. Стил приводит полный список размеров, видов земель и состава платы для всех 103 документов (NRET, стр. 69—71), на которых основаны его выводы. Однако анализ этого списка, так же, как и график цен (NRET, стр. 72, табл. 3а), составленный автором, показывает прежде всего, что эта средняя цена скрывает за собой чрезвычайно разнообразие цен; и хотя изменение их действительно в общем и целом соотносится с изменением размеров, качества и расположения надела, но наиболее характерна не эта общая тенденция, а резкое колебание цен и бросающееся в глаза абсолютное преобладание продаж мелких участков. Резкое колебание цен, и даже иногда полное отсутствие указаний на плату, объясняется, возможно, тем, что иногда плата полностью или частично идет в погашение долга.

Значение очень обстоятельной и серьезной работы, проделанной Ф. Стилом, сильно снижается тем, что в конечном итоге автор не сумел дать

¹ См. И. М. Дьяконов, ВДИ, 1955, № 4, стр. 20—21, 39 и др.

истинной картины аграрных отношений в Аррапхе. Ф. Стил полагает, что земля в Аррапхе принадлежала царю, от которого все его вассалы держали землю в виде пожалования или в аренде, имея на землю только право владения, но не право собственности (или право разделенной собственности). Вместе с обязанностью царской службы вассалы могли передавать по наследству и свои земельные владения, но только непосредственно членам семьи (NRET, стр. 15). Для обхода этого закона пользовались сделками фиктивного усыновления покупателя, цену же участка для маскировки акта продажи называли «подарком» (NRET, стр. 18). Однако почти сразу после того, как возникла эта реконструкция системы землевладения в Аррапхе, были отмечены факты, противоречащие ей. Наиболее значительным из них является то, что сделки о купле-продаже недвижимости оформлялись официальным порядком, признавались верховным царским судом (NRET, стр. 15) и выполнение их условий гарантировалось обычно системой очень высоких штрафов.

Сам Ф. Стил, следуя общепринятому мнению, объясняет это противоречие ослаблением феодального строя — объяснение немислимое, если под феодализмом подразумевать общественную формацию, которая характеризуется прежде всего определенным способом производства материальных благ, а не второстепенным признаком наличия вассалитета, предполагаемого к тому же в Аррапхе на ложном основании. В аррапхских архивах иногда упоминается р д повинности, обозначаемой термином *ilku*, который переводится как «ленная служба» (для аррапхских документов потому, что хурритский синоним его — это *erwi-še* от *erwi, ewri* «царь») ¹. Сомнительным считается только один случай (JEN, II, 35), когда против обыкновения эту повинность берет на себя не продавец, а покупатель земельного участка, являющийся к тому же сыном царя. В одном случае *ilku* упоминается наряду с термином *dekûtu* (Gadd, 5), который известен в Ассирии, как обозначение мобилизации вообще в отличие от *ilku*, термина, употреблявшегося и узко, для обозначения воинской повинности (РЗОА, стр. 132—133). Перевод *ilku* как «ленная служба» был введен П. Кошакером, который пытался объяснить неотчуждаемость земли в Аррапхе тем, что вся земля, передаваемая через псевдоусыновления, была пожалованной. Но поскольку в большинстве этих сделок указание на *ilku* отсутствует, постольку возникло второе допущение о том, что *ilku* оставался за остальной землей продавца. Это объяснение всех удовлетворило, так как есть случаи, где по именам хозяев смежных участков ясно, что продается только часть земли, и, кроме того, подавляющее большинство наделов, встречающихся в псевдоусыновлениях, очень малы. Сам П. Кошакер, тем не менее, считал это свое толкование мало вероятным, так как форм отчуждения недвижимости без введения продавца в состав семейной общины (хотя бы и фиктивного, как считал П. Кошакер) в Аррапхе нет (см. РЗОА, стр. 60, прим. 1). И. М. Дьяконов предлагает рассматривать *ilku* в Аррапхе по аналогии со среднеассирийским *ilku ša ālājute*, как общинную повинность, которая в Ассирии, так же, как и в Аррапхе, перекладывалась с владельца земли на плечи зависимых от него лиц (РЗОА, стр. 72), а в Аррапхе — на усыновителя-продавца.

Поскольку передача земельного надела сопровождалась усыновлением покупателя, постольку естественно предположить, что покупатель становился членом большесемейной общины (*dimtu*) ², в которой обязанность

¹ NRET, стр. 24 (JEN, 414 и AASOR, X, 10).

² Обычно этот термин переводят как «башня» или «область». При нашем толковании оба эти значения сводятся к обозначению патриархальной семьи и ее жилища. При таком переводе становится ясным, почему спустя несколько столетий в ассирийский диалект аккадского языка этот термин перешел с единственным значением

взаимопомощи разумелась сама собой. Обычно эти общины называются по имени родоначальника. Одной из крупнейших была община упоминавшегося выше Пухишени. Между такими общинами существовало разделение труда, которое, по-видимому, переходило из поколения в поколение, так как известны *dimtu* ткачей, *dimtu* кушцов, *dimtu* обязанных сеять ячмень и т. п.

В одном из судебных процессов разбирается иск сыновей покупателя к сыновьям продавца, основание которого состоит в том, что ответчики не обрабатывают поля, переданного отцу истцов через псевдоусыновление (CNRS, стр. 74). Истцы, основываясь на этом своем обвинении, требуют передачи им надела. Очевидно, семья усыновителя сохраняла свое право на этот, переданный через псевдоусыновление надел только до тех пор, пока участвовала в его обработке; с прекращением обработки она могла лишиться надела, но только через суд, т. е. действие обычного права в этом случае должно было быть официально прекращено.

Тем самым, с другой стороны, подтверждается, что существовал бычий совместной обработки земли, передаваемой через псевдоусыновление. Иными словами, из этого факта следует, что покупатель по такому контракту получал право не только на землю, но и на труд той семьи, которая его усыновляла. В самих сделках это специально не отмечается, вероятно, именно потому, что эта обязанность, как и обязанность нести повинности, основывалась на обычае взаимной помощи родичей и разумелась сама собой, поскольку передача надела сопровождается усыновлением покупателя.

Вполне правомерно предположить, что выполнение этих обязанностей не шло обычным порядком только в немногих случаях, где специально оговаривается, какая именно из сторон должна нести *ilku*, одна, целиком. Такое толкование *ilku* не требует никаких привходящих допущений и находится в полном соответствии со всеми другими чертами общества Аррапжи. Кроме того, это заключение решает вопрос о причинах использования для передачи недвижимости только формы псевдоусыновления. Очевидно, дело не в маскировке акта отчуждения, а в преимуществах, которые дает эта форма по сравнению с простой продажей не только для продавца, но и для покупателя.

Изредка отчуждение земельных наделов оформлялось через принятие покупателя в число братьев продавца¹. Этой формой пользовались, по-видимому, в тех случаях, когда после смерти главы патриархальной общины хозяйство оставалось неразделенным.

Еще реже, но все-таки встречается передача надела вместе с передачей прав отца или брата на дочь или сестру. Покупатель надела обязан содержать и защищать девушку, за что получает право выдать ее замуж и взять себе плату от ее будущего мужа. Продавец передает свое недвижимое имущество вместе со своими семейными правами и обязанностями, неотделимыми от землевладения. Впрочем, обязанности иногда остаются за продавцом, а к покупателю переходить только право землевладения и в придачу право взять плату за девушку.

«башня»). Очевидно, обозначение изжитой к I тысячелетию до н. э. социальной организации было вполне закономерно утрачено, сохранился только термин для жилища. При раскопках Нузу были найдены модели двухэтажных построек, в которых половина плоской крыши первого этажа служит площадкой для второго. Вполне возможно, что «башни», о которых идет речь, и представляли именно такое жилище большинства общины. Все владения общины в целом назывались этим же термином, даже если туда входили сельские общины (*alu*) или другие *dimtu*, выделившиеся из состава первоначальной организации.

¹ Полный перечень разных родов сделок на недвижимость см. NRET, стр. 66—68.

По наблюдениям Ф. Стила в сделках, зафиксированных первыми писцами Аррапхи, земля продается по наиболее низким ценам (NRET, стр. 58). Из этого можно сделать существенное заключение относительно конкретных условий первоначального этапа развития рабовладельческого способа производства в Аррапхе.

Цена земли обратно пропорциональна высоте процента¹. Отсюда можно заключить, что количество прибавочного продукта было вначале значительно, по-видимому, за счет низкой стоимости рабочей силы, которая нормировалась прожиточным минимумом кабального раба.

Последующий рост цен на землю должен был определяться снижением нормы прибавочного продукта. Судя по изменениям в составе объектов займа во втором поколении аррапхитов², снижение нормы прибавочного продукта объясняется тем, что в развитии производства ведущее положение заняли хозяйства, пользующиеся рабочим скотом и трудом рабов. Расширение эксплуатации рабского труда, не говоря уже об использовании рабочего скота, равносильно повышению органического состава капитала, так как средства, затраченные на покупку раба, рассматриваются, по существу, как основной капитал, поскольку они расходуются до начала процесса производства, а возмещаются постепенно по истечении активного периода жизни раба³. Снижение нормы прибавочного продукта должно было послужить дополнительным стимулом для расширения производства, которое можно наблюдать в практике второго и отчасти третьего поколения аррапхитов.

И в остальном юридическая надстройка Аррапхи целиком соответствует отмеченным особенностям экономической структуры ее общества.

Наглядную картину особенностей гражданского права дает семейное право Аррапхи, целиком подчиненное праву имущественному, как можно было убедиться уже из предыдущего раздела.

В брачных контрактах Аррапхи точно указываются только имущественные права будущих детей новобрачной и детей ее будущего мужа от предшествующих браков. По нормам аррапхского наследственного права, после смерти отца семейства мать могла распоряжаться имуществом и судьбой детей только в виде исключения, по завещанию главы семьи, в котором могли быть поставлены любые условия передачи ей отцовской власти. В одном документе (HSS, V, 71) завещатель, передавая жене свою власть, поручает вместе с тем своим сыновьям в случае, если она вторично выйдет замуж, содрать с нее одежду и прогнать голой по улице (NKRA, стр. 84, прим. 2 и стр. 85).

Вообще завещания в аррапхских архивах встречаются крайне редко. Во всех известных мне случаях целью их является стремление предохранить семейную собственность от раздела между сородичами или перехода в другой род. Для этого в одной из сделок глава семьи усыновляет (!) свою единственную дочь, чтобы в обход обычного права сделать ее своей наследницей. В другом документе зафиксирован случай усыновления главой семьи своего зятя (NRET, стр. 16).

В архивах сохранилась запись процесса относительно одной такой передачи недвижимости, противоречащей обычному праву Аррапхи: против передачи земельного надела жене завещателя выступают его двоюродный брат и другой, еще более далекий, родственник завещателя (NKRA, стр. 74—76).

При всем разнообразии условий брачных сделок всегда прослеживается

¹ К. Маркс, Капитал, т. III, стр. 790 (изд. 1950 г.).

² См. выше, стр. 22.

³ К. Маркс, Капитал, т. II, стр. 479 (изд. 1949 г.).

четкая грань между приобретением невесты для свободного человека и для раба, несмотря на то, что цена девушки в обоих случаях равна цене рабыни (30 сиклей серебра) (NKDS, стр. 70). Покупающий девушку получает право выбрать ей жениха по своему желанию, но в первом случае свобода выбора строго ограничивается пределами своего класса: он может взять ее в жены себе, отдать любому из своих сыновей или даже перепродать в жены любому гражданину, но ни в коем случае не отдавать ее рабу или иноплеменнику. По-видимому, в двух последних случаях она и ее дети одинаково лишились бы гражданских прав (NKDFL, стр. 26). Иногда специально отмечается, что с «удочеренной» должны обращаться, как с гражданкой Аррапки (*mârat mât Arrapka*)¹. Если принять аналогию со среднеассирийским «оживлением» (ЗВАХ, стр. 232), то это означало, что ее новый хозяин не имел права сожительствоваь с нею, которое он имел по отношению к рабыне².

Права женщины в Аррапке зависели целиком от ее имущественного положения, но ни в коем случае не от этнической принадлежности, как можно было бы подумать на основании термина «аррапхитка». Фактически нет разницы между иноземной рабыней и свободной женщиной, аррапхиткой, заложеной за долги ее отцом или братом. Для одной это рабство постоянное, для другой временное, но могущее перейти в постоянное в случае, если долг, проценты по которому она отработывает в хозяйстве кредитора, останется непогашенным.

В архиве Тульпуннай были обнаружены сделки удочерения — взятия в служанки (*mârtûtu-kaalatûtu*), по условиям которых Тульпуннай могла отдать удочеренную ею девушку человеку любой социальной категории, начиная с раба (AASOR, XVI, 23, 30—33, 34, 36 и 42). Однако в этих документах специально оговаривается, что сколько бы ее мужей последовательно ни умирало, ее все равно имеют право передать следующему; судя по аналогии с законами современной этим документам Ассирии, это значит, что она никогда не освободится, став вдовой. Эта оговорка требовалась, очевидно, потому, что свободная девушка, выданная замуж за раба, оказавшись вдовой, по нормам обычного права становилась свободной. Дети свободной женщины, даже когда их отцом был раб, также по нормам обычного права, очевидно, считались свободными, иначе в специальной оговорке или отдельном документе относительно превращения их в рабов (AASOR, XVI, 32, 34, 39) не было бы нужды.

Положение основной массы женщин в Аррапке, как и всюду, является точным показателем положения основной массы населения. Характерно соотношение между количеством женских и мужских имен, встречающихся в документах (1 : 7). Если из этого общего числа женских имен исключить документы, где женщины являются объектами сделок или выступают совместно с мужьями, братьями, сыновьями, то останутся только имена жен и дочерей крупнейших землевладельцев, положение которых не может считаться нормой.

Обычно для доказательства полноправности женщин в Аррапке пользуются именно характеристикой деятельности Тульпуннай и других представительниц нузийской знати, а также несколькими единичными

¹ G a d d, №№ 4, 12 и AASOR, XVI, № 42.

² И. Мендельсон предлагает для объяснения этого места аналогию из древнееврейского архаического права (J. Mendelsohn, The conditional sale into slavery of freeborn daughters in Nuzi and the Law of Exodus 21 : 7—11, JAOS, 55, 1935, стр. 194), где указывается, что кредитор должен был содержать заложницу, как родную дочь, и уменьшение содержания давало ей право уйти из дома господина без компенсации тех денег, которые были за нее уплачены. В аррапкских текстах нет никаких намеков на подобные обстоятельства, на которые можно было бы опереться для такого расширительного толкования.

случаями (см. ниже), которые уже своей исключительностью подтверждают отмеченное выше правило о положении аррапхиток.

Документы «псевдоусыновлений» Тульпуннайи из ее архива, по которым она получает право наследственного владения землей (AASOR, XVI, 15—22), целиком противоречат главным принципам обычного права Аррапхи. Возможность появления таких сделок определяется отнюдь не наличием у всех аррапхиток прав, уравнивающих их с мужской линией их семьи, а только тем фактом, что нормы семейного права целиком определяются нормами имущественного права, а не наоборот¹.

Это подтверждается рядом случаев. Раб усыновляет жену своего хозяина, в результате чего эта женщина получает, как законный наследник, право на недвижимую собственность раба (NKDS, стр. 74). Очевидно, в этом случае мы имеем пример перевеса нормы обычного права, согласно которой землевладение является основой гражданских прав — имущественного и семейного — над нормами права положительного, по которым раб по самому существу своего социального положения не может иметь никаких гражданских прав: ни семейного, ни имущественного, так как он не имеет права на собственную личность. На этом противоречии норм обычного и положительного права основан, в частности, иск раба относительно своей жены, свободной аррапхитки, которая несколько раз уходила от него к отцу (NKDS, стр. 78), очевидно, полагая, что по своему положению ее муж не имеет на нее прав.

Такого же рода аномалию дает случай усыновления свободного гражданина дворцовой рабыней (*amat êkallim*), которого она тем самым делает законным наследником своего имущества, включающего, между прочим, и рабов². Объяснение этого случая лежит в особенности фактически занимаемого этой женщиной положения. по-видимому, не менее высокого, чем положение двух рабов Шильватешуба, сына царя, которые приобретают недвижимость на свое имя³, очевидно, благодаря авторитету их хозяина. Все эти представители класса рабов фактически являются аристократией своего класса.

Немногие примеры появления рабов в суде объясняются тем, что раб в одних случаях, по существу, является вещественным доказательством преступления (AJN, стр. 235), причем если его приговаривают к штрафу или увечашему наказанию, то в обоих случаях право на исполнение решения испрашивается у хозяина (AJN, стр. 133). Иногда раб замещает хозяина на процессе, особенно из-за возможной ордали. Поскольку такая тяжба всегда рассматривается, как тяжба принципала, и безразлично, представляет в суде раб принципала или член его семьи (AJN, стр. 136), то из этих случаев ровно ничего не следует относительно прав рабов вообще.

В полном смысле рабами были, по-видимому, только иноземцы из более отсталых областей; очевидно, поэтому в формулах о штрафе стороны обязуются давать рабов-луллубеев. Подтверждением этому может служить также оговорка в брачных контрактах относительно права мужа в случае бесплодности новобрачной взять себе в наложницы только луллубейку (NKDFL, стр. 22). Это условие, с нашей точки зрения, защищает договаривающиеся стороны от возможных имущественных претензий со стороны родственников наложницы, дети которой при бездетности хозяйки дома становились полноправными наследниками имущества своего отца.

Особенности военно-административного устройства Аррапхи также целиком соответствуют характеру ее экономической структуры. В расход-

¹ К. Маркс, К критике политической экономии, О взаимоотношении семьи и категории владения 1949, стр. 215.

² NKDS, стр. 73, и примеры присутствия дворцовой рабыни и дворцового раба-писца при передаче недвижимости в качестве свидетелей (там же, стр. 79).

³ NKDS, стр. 74 и 80, один из них получает поле в подарок (!).

ных ведомостях архива отмечается фуражировка царских коней во время пребывания царя в походе с войском Аррапхи, которым он командовал. В хозяйственном архиве дворца упоминается категория лиц *ḫurṣu*. В Ассирии *ḫurṣu* составляли часть регулярного войска, сидевшего на землях, выделенных из царских владений (ЗВАХ, стр. 232, прим. 5). Возможно, что в Аррапхе они также составляли регулярные части войска. В Нузу часть *ḫurṣu* занимается ткачеством¹, которое было наиболее распространенным из всех ремесел (EmCN, стр. 543), им занимались самые различные по социальному положению группы населения.

Основной контингент войска Аррапхи составляли, по-видимому, общинники-ополченцы. Один из списков архива Тульпуннайи перечисляет поименно воинов разных родов оружия, в том числе колесничих, всего в количестве 2500 человек, набранных из нескольких общинных поселений. Относительно войска Аррапхи известно, что колесничие, конница и пехота, в основном лучники, составляли два соединения: левого и правого флангов, которые делились на отряды. Прямых указаний на военные действия нет, но в инвентарях воинского снаряжения перечисляется оружие, поврежденное или потерянное до и после битвы. Это — луки, колчаны, стрелы, копья, попоны для лошадей, щиты, поножи, панцири.

Главой каждого поселения Аррапхи был хазанну. Наиболее известным из должностных лиц, занимавших этот пост, является упоминавшийся выше Кушшихарбе. Имя этого хазанну по происхождению касситское (вавилонское); все остальные лица, упоминаемые в этой должности, носили хурритские имена (AASOR, XVI, стр. 62). Судя по обвинениям, которые предъявлялись Кушшихарбе на допросах, его обязанностью было наблюдение за порядком в поселении и за сохранностью дворцового имущества, которым он не имел права распоряжаться. Хазанну жил не в цитадели, а в одном из окрестных поселений. В обвинениях перечисляются случаи взяточничества, подкупа, разврата, самовольного сбора податей для себя, незаконного использования в своем хозяйстве людей, обязанных нести общинные повинности, и т. п. Подчиненные Кушшихарбе, злоупотребляя своей властью, похищали людей с целью получения выкупа. В организации преступлений оказался замешанным хазанну соседнего с Нузу поселения. Комментируя эти факты, американский исследователь Э. Шпейзер замечает, что существование такой обширной и высоко организованной взаимопомощи между правительством и преступниками выглядит почти анахронизмом (AASOR, XVI, стр. 63).

Хазанну, по-видимому, избирались на определенный срок, скорее всего на год, так как иногда встречается датировка по имени хазанну, причем указаний на разные годы одного и того же хазанну нет. Обычно же датировка вообще отсутствует. При наличии закладных и документов о займах на срок от 3 до 5—10, а иногда и 50 лет, естественно предположить, что там, где нет датировки по хазанну, срок возврата займа определялся по именам каких-то других выборных должностных лиц, скорее всего старейшин или судей, печати которых обычно заверяют сделку. В настоящее время внутренняя хронология устанавливается именно по спискам свидетелей, что может служить до некоторой степени подтверждением высказанного предположения.

Особенность образования общественного фонда Аррапхи, насколько это видно по дворцовому хозяйству Нузу, целиком соответствует характеру ее общественной структуры и заключается в следующем.

Кроме натуральных податей, поступавших с граждан, значительную часть доходов, очевидно, приносили посевные земли и стада дворца.

¹ E. L a c h e m a n, Note on the word *ḫurṣu* at Nuzi, BASOR, № 86 (апрель 1942), стр. 36—37.

В его хозяйственном архиве есть сводки о расходе зерна на посев и на содержание свиней, крупного и мелкого рогатого скота.

Наиболее обширную статью дворцовых расходов зерна составляет содержание рабочей силы: «людей дома» (*niš bîti*) и рабов (*wardûti*). Результаты их труда были, очевидно, основным постоянным источником образования общественного фонда Нузу. Итоги выдачи содержания рабам всегда подбиваются отдельно от итогов выдачи *niš bîti* (например, HSS, XIII, 221 и 360). Рабы в сводках перечисляются группами до двадцати человек, иногда вместе с женами и детьми. Для детей рабов употребляется специальный термин (*šerri*), отличающий их от детей свободных граждан, в том числе и «людей дома» (NKRA, стр. 82 и 84). В нузийских архивах упоминаются рабы, принадлежащие не только Нузу, но и другим соседним поселениям, в том числе главному городу, Аррахе.

В числе дворцовых рабов есть земледельцы, которыми пользуется и царица для работ на своих землях (HSS, XIII, 83 и 593), есть ткачи, валяльщики, прачечники, пекари, столяры, горшечники, пастухи, садовники, носильщики и даже в одном случае упоминаются раб-писец и раб-военачальник (HSS, XIII, 49).

В состав «людей дома» входит категория лиц *šuhâru* и *šuhârtu*, очевидно, подростков мальчиков и девочек из числа свободных, так как в одном случае о троих *šuhâru* сказано, что они «сыновья» (*mârê*, а не *šerri*) такой-то женщины. О том, что это дети, говорят следующие факты. Один *šuhâru* оказался ростом в два с лишним локтя (HSS, IX, 113). В итогах расходных ведомостей перечень дает отдельные группы в такой последовательности: мужчины, женщины, *šuhâru*, *šuhârtu*. В списке «людей дома» (HSS, XIV, 594) отдельно перечисляются взрослые женщины (*sinnišâtu rabâtu*) и девочки (*šuhârâtu*). Таким образом, в данном случае нет оснований отступать от прямого смысла корня *šhr*, инфинитив которого значит «быть маленьким».

В нескольких документах *šuhâru* названы ткачами¹. Очевидно, это ученики или помощники ткачей, может быть, будущие воины *huršu*.

Дворцовое имущество находилось в ведении «управляющего дворцом» *šakin bîti*, который разрешал выдачи внутри хозяйства и вне его. Внешние выдачи, как и следовало ожидать, производились по типу обычных ростовщических ссуд по документам, заверенным печатью должника, под общепринятый в Аррахе очень высокий процент. Последнее обстоятельство, очевидно, должно было значительно ограничить круг хозяйств, способных воспользоваться ссудой. Любопытно, что значительную часть ссуд натурой составляет кирпич, который выдавался также под процент с условием вернуть той же натурой. Шел ли этот кирпич на постройку домов, на обкладку дамб или колодцев, — во всех возможных случаях такой заем был недоступен мелким хозяйствам². Подавляющее большинство ссуд — натуральные. Особенно характерно наличие найма дворцовых рабов частными хозяйствами (см. выше).

Таким образом, специфика образования и назначения общественного фонда Аррахи вполне соответствует характеру ее социально-экономического строя, который во всех своих проявлениях представляет первую фазу рабовладельческой формации без каких бы то ни было признаков феодальных и тем более капиталистических отношений.

Основную задачу статьи можно будет считать выполненной, если Арраха получит, наконец, право на самостоятельное существование в нашем общем курсе истории древнего Востока, где ее постоянно соединяют то с Ассирией, то с касситской Вавилонией, то с Митанни.

¹ E. L. a c h e m a n, Note on the word *huršu* at Nuzi, BASOR, № 86 (апрель 1942), стр. 36 сл.

² Ср. выше, стр. 23.